

МОСТ МЕРТВЕЦА

РОБЕРТ МРАЗЕК

МНОГИЕ ПЫТАЛИСЬ ЭТО МЕСТО НАЗВАНО
ЗДЕСЬ ПРОЙТИ. В ИХ ЧЕСТЬ...

Annotation

Уволенный из армии майор Джейк Кантрелл думал, что все в жизни у него осталось позади – там, в Афганистане. На войне он потерял друзей, службу и честное имя. Остались лишь маленький домик на берегу озера, собака и завалящая работа в службе безопасности колледжа Сент-Эндрюс. Но все круто изменилось, когда на подвесном мосту через ущелье нашли тело выпускника колледжа с петлей на шее. Шериф заявил, что это самоубийство. Но бывший майор хорошо знает разницу между повесившимся и повешенным...

Роберт Мразек

Мост мертвеца

Robert Mrazek

Dead Man's Bridge

© Robert Mrazek, 2017.

Published by arrangement with The Robbins Office, Inc. and Aitken Alexander Associates Ltd and The Van Lear Agency LLC.

© Саксин С. М., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Роман поражает и моментально увлекает сочетанием противоположностей: одновременной жестокостью – и задушевностью; крутым действием – и глубоким психологизмом; уникальностью главного героя – и его обыденной простотой...

Это признак литературы высокого полета.

Джиму и Анне с любовью

Каждый виновный – свой собственный палач.

Сенека

Глава 1

Ее жалобный стон вытащил меня из забвения. Я услышал стук сильного дождя в окна своего дома. Над головой прогремел раскат грома; гроза медленно уходила на восток к горам Адирондак.

Протянув руку, чтобы погладить ее по спине, я почувствовал, что она дрожит. Стремясь найти более удобное положение, она лягнула меня по ноге, прежде чем снова забылась беспокойным сном. Теперь кошмары мучили ее все чаще, и я гадал, не виновата ли в этом химиотерапия.

Онколог предупредил меня, что это лечение может вызвать серьезные побочные эффекты. Но без него, сказал он, практически наверняка начнутся метастазы. Она терпела капельницы с удивительной стойкостью.

Ее дыхание по ночам стало судорожным и прерывистым. Помню, с каким благоговейным восхищением я смотрел на ее физическую красоту и изящество, когда она была молодой. Тяжело быть свидетелем того, как болезнь отнимала у нее энергию и силы.

Впервые я увидел ее в глухом афганском кишлаке недалеко от Хайберского прохода. Начиналась зима, и старый моджахед собирался выпотрошить ее себе на обед. Ее густая шерсть была белоснежной, и размерами она не уступала теленку. Несмотря на унижительную ржавую цепь, к которой она была привязана, в ее поведении сквозило что-то царственное.

Я спросил у старика, какой породы эта собака.

– Это знает один Аллах, – проворчал тот на пушту, продолжая точить нож. – Думаю... наполовину волк... наполовину олень.

Возможно, он был прав. Когда она спокойно отдыхала, морда у нее становилась мягкой и приятной, совсем как у фавна. Когда же у нее вскипала кровь, глаза ее горели первобытным огнем дикого волка, готового наброситься на добычу.

Дав старику золотой соверен, я взял собаку себе.

Несколько дней спустя, ночью, я был в горах в ожидании приказа отправиться в новый рейд. На наш лагерь спустилось облако крылатых насекомых. Я сидел у огня, а собака стала с невероятной быстротой подпрыгивать вверх и ловить их пастью. Именно тогда я решил назвать ее Стрекозой.

На протяжении последующих пяти месяцев она оставалась моим ближайшим товарищем. В отличие кое от кого из моих собратьев-людей Стрекоза была умная, храбрая и преданная. Однажды промозглой ночью под Кандагаром своим предостерегающим рычанием она спасла мне жизнь...

Еще один тоскливый стон разорвал тишину в тот самый момент, когда молния озарила небо. В окно я увидел, как она ударила в землю на противоположной стороне озера. Мой отец называл молнию «перстом Господа».

Я понял, что больше не засну. Стараясь не потревожить Стрекозу, вышел через стеклянные двери на веранду и, стоя в темноте, вдохнул полной грудью запах мокрой прелой листвы. Всего за несколько дней пронизывающий октябрьский ветер оголил деревья и завалил слоем опавших листьев толщиной пару дюймов лужайку, спускающуюся к озеру.

Я услышал, как Стрекоза тяжело спрыгнула с кровати на пол и медленно вышла в дверь. Ее глаза двумя черными лунами выделялись на оскаленной белой морде, задние лапы дрожали.

Таких быстрых собак, как она, я никогда не видел. Теперь же она не могла прийти, не запыхавшись, из спальни на кухню. По мнению ветеринара, ей было никак не меньше восемнадцати лет.

Пройдя на кухню, я взял со стола откупоренную бутылку «Джонни Уокера» и плеснул виски в миску с водой. Стрекоза принялась довольно лакать, и левая задняя лапа у нее снова затряслась. Подойдя к подстилке у камина, она плюхнулась на нее и начала лизать себе передние лапы.

Сев в большое кресло, я отпил виски. До рассвета оставалось убить еще три часа. Сквозь низкие серебристые тучи пробился луч лунного света.

Ночной воздух казался спертым. Он напомнил мне сезон ураганов, когда я служил в Форт-Беннинге, в Джорджии.

– Идет непогода, – сказал я Стрекозе, растирая колени.

Та посмотрела на меня своими светящимися черными глазами, после чего плюхнулась на бок и испустила еще один тихий стон.

Я печально задумался о своей собственной болезни. Первый психиатр, которого выделила мне армия в ходе разбирательств военного трибунала, вынес заключение, что у меня депрессия. Впрочем, для того чтобы это понять, медицинского образования не требовалось. Я убил в Афганистане одиннадцать человек, из которых трое были из моей же группы специального назначения. Не проходит и ночи, чтобы они не навещали меня, во всех красках демонстрируя свои изуродованные лица.

Психиатр заверил меня в том, что депрессия имеет патологический характер и ее можно вылечить психотропными препаратами. Он был глубоко верующим христианином и настоятельно посоветовал мне также пригласить в свою жизнь Спасителя.

Второго врача-психиатра мне предоставила юридическая группа, защищавшая меня на том трибунале, где меня обвиняли в убийстве. Эта женщина пришла к такому же заключению: я страдал от депрессии. Однако в отличие от первого мозговеда она сказала, что депрессия является неотъемлемой частью человеческой природы, даром, преподнесенным нам еще тогда, когда римляне поклонялись богу Сатурну.

– Как только почувствуете депрессию, майор Кантрелл, – сказала она во время первого же сеанса, – откройте свое сердце Сатурну... обнимите его как старого друга.

Я сделал еще один глоток «Джонни Уокера». После того как огненное жжение в глотке несколько утихло, я взял с полки рядом с креслом книгу. Это был мой закадычный друг, бульварный детектив пятидесятых пера Джона Макдональда. Потягивая виски, я попытался продрапать через первую страницу.

Я подумал об армейском «Кольте» калибра.45, устроившемся в углублении в стене рядом с печной трубой. За долгие годы рукоятка отполировалась и стала гладкой. Это было бы так легко! Быстрое нажатие на спусковой крючок и знакомый запах пороха... Почему бы не довести свой счет до ровной дюжины?

В открытую дверь на веранду ворвался назойливый звонок проводного телефона. Я решил не отвечать. Телефон продолжал трезвонить, и я мысленно взял на заметку поставить автоответчик, если в понедельник еще буду жив. После десяти звонков я разозлился. Очевидно, звонивший вознамерился ждать столько, сколько потребуется. Пройдя в гостиную, я снял трубку.

– Офицер Кантрелл? – робко произнес сдавленный женский голос. В нем прозвучала настойчивость. – Это Карлин.

– Знаю, – сказал я, узнав голос.

Карлин совсем недавно устроилась в службу безопасности студенческого городка и работала ночным диспетчером.

– Вам нужно немедленно приехать сюда, – сказала она.

– Который сейчас час?

– Пять с небольшим.

– Карлин, моя смена начинается только в восемь утра.

– Знаю, но... у нас чрезвычайное происшествие.

В колледже Сент-Эндрюс чрезвычайные происшествия случаются редко. Самый последний был связан со студенткой с «факультета невест». После того как ее бросил ее парень, капитан хоккейной команды, она проглотила целую пригоршню амфетаминов и устроила грандиозный скандал в женском общежитии. Я поинтересовался у Карлин, не сбежала ли студентка из окружной больницы.

– Это не смешно! – повысив голос, ответила та. – Вам нужно немедленно приехать сюда.

Карлин все время держится так, словно вот-вот расплечется. Я вспомнил, как один из охранников рассказывал, что она проходит курс психологической терапии после разрыва со своим ухажером.

– Только что поступил звонок из кабинки экстренной связи с сообщением о том, что у нас на территории студенческого городка обнаружен мертвый мужчина, – заявила Карлин на том псевдоофициальном жаргоне, который требует капитан Джанет Морго, начальник службы безопасности колледжа.

Стрекоза вернулась следом за мной в дом и теперь недовольно смотрела на телефон, словно не меньше моего была раздосадована его непрошеным вторжением.

– Скорее всего, это розыгрыш, – сказал я.

– Я так не думаю! – ответила Карлин, и голос у нее стал визгливым. – Звонил мужчина. Он положил трубку, прежде чем я успела что-либо у него спросить.

– Почему бы вам не позвонить капитану Морго? – предложил я. У меня не было никакого желания ехать в город после полбутылки виски.

И тут Карлин взорвалась.

– Я ненавижу эту работу! – крикнула она в трубку. – Ну почему я всегда остаюсь здесь ночью одна?

– Карлин, успокойтесь, – сказал я.

– Неужели вы полагаете, что я звонила бы вам, если б этим мог заняться кто-либо еще? – орала Карлин. – Капитан Морго в дороге, возвращается с совещания в Олбани, и я не смогла дозвониться ей на сотовый. У лейтенанта Риттерспоф родовые схватки, а офицер Хэрд в отпуске в Нью-Мексико! В департаменте вы четвертый по старшинству!

Ее тон подразумевал то, что святыню придется доверить «бостонскому душегубу».

– Ну хорошо, милочка. И где якобы находится тело?

Прежде чем Карлин ответила, в трубке послышался судорожный вздох:

– Звонивший сообщил, что неизвестный мужчина висит на подвесном мосту через ущелье Фолл-Крик. Через считанные часы он будет болтаться у всех на виду и его увидят бывшие выпускники, приезжающие на встречу.

– Позвоните в полицию, – посоветовал я.

– Не могу! – возразила Карлин. – После последнего происшествия на том самом мосту капитан Морго категорически требует, чтобы первой на место прибывала служба

безопасности колледжа.

В мае студентка из Азии покончила с собой, спрыгнув с того же самого моста. Этот случай был красочно освещен в «Нью-Йорк таймс». Для репутации колледжа это очень плохо.

– Карлин, позвоните в полицию, – повторил я, как мне хотелось думать, уверенным голосом. – Я уже выезжаю.

Я ехал в Гротон по гравийной дороге вокруг озера. Я разогнал по рытвинам и ухабам свой старенький пикап «Шевроле» до пятидесяти миль в час, и теперь он громыхал в предсмертной агонии. Миновав городскую площадь, я направился на Кампус-Хилл по крутому подъему вдоль ручья Фолл-Крик.

Справа от меня черная вода низвергалась с высоты двести футов на дно голого ущелья из песчаника. Тридцать тысяч лет назад по этой окраине штата Нью-Йорк гигантским плугом отступал ледник, вспоровший скальное основание и оставивший на своем пути глубокие расселины.

Эта пропасть отделяла студенческий городок колледжа Сент-Эндрюс от соседнего жилого района. В 1930-е годы при президенте Рузвельте УОР^[1] построило через ущелье подвесной пешеходный мост.

На жилой стороне разместились общежития и дома с комнатами внаем. Многие студенты, живущие там, пользовались мостом, чтобы сократить дорогу до учебных корпусов. К сожалению, за долгие годы мост также превратился в магнит, притягивающий столкнувшихся со стрессом студентов, желающих положить конец не только своему академическому образованию...

Я взбирался по крутой дороге на первой передаче, и вскоре из полумрака показалась таверна «Фолл-Крик». Прозванная местными жителями «Крикером», она угнездилась на сланцевом плато у дороги, своей задней стеной нависнув над двухсотфутовой пропастью. Обыкновенно «Крикер» закрывался в четыре часа утра. В открытую дверь я увидел официантку, протирающую растрескавшийся линолеум на полу.

Бен Массенгейл стоял на крыльце под навесом, пыхтя сигаретой и дожидаясь, когда заведение снова откроется в шесть утра. Помахав мне рукой, он улыбнулся, демонстрируя настоятельную необходимость зубного протезирования. Я помахал ему в ответ.

На заросшей травой площадке у моста имелось шесть мест для машин. Все они были заняты. Администрация колледжа ввела часовое ограничение на пользование стоянкой, и я отметил, что всем машинам, кроме одной, уже выписан штраф за то, что они простояли тут всю ночь. Единственной машиной без квитанции на оплату штрафа был старый, но отлично сохранившийся универсал «Сааб» с облупившейся наклейкой на бампере, призывающей «Спасти Арктику!».

На востоке уже бледнело небо, когда я поставил свой пикап под острым углом в десяти футах от обрыва, рядом с вымощенной кирпичом дорожкой, ведущей к мосту. Достав из бардачка полицейский значок, я закрепил его на груди синего пуловера. Захватив фонарик и пару чистых хлопчатобумажных рабочих перчаток, передвинулся на соседнее сиденье и изо всех сил навалился на плохо открывающуюся дверь.

Мне почти удалось распахнуть ее, но тут налетел порыв ветра, и дверь захлопнулась, ударив меня по коленной чашечке. По правой ноге разлилась острая боль. Дожидаясь, когда она утихнет, я осмотрел мост.

От одного конца до другого стальной пролет имеет ярдов пятьдесят. Настил шириной шесть футов залит бетоном. По обеим сторонам на высоте пяти футов проходят поручни. Пространство под поручнями закрыто стальной сеткой, чтобы предотвратить случайное падение.

В темноте я разглядел, как что-то медленно покачивается примерно на середине моста, прямо под ним. Это могло быть тело, висящее на веревке футах в десяти под настилом. Первой моей мыслью было то, что это розыгрыш, «прикол», призванный радушно встретить бывших выпускников, приехавших на ежегодную встречу.

Пробравшись мимо припаркованных машин, я потрогал капот «Сааба», не имеющего на лобовом стекле квитанции на уплату штрафа. Капот оказался холодным, но я мысленно взял себе на заметку проверить машину по номеру. В ярком свете фонарика я разглядел на заднем бампере царапину. Казалось, краску соскоблили жалом отвертки. Царапина тянулась до самого крыла. Направив луч на соседнюю машину, я увидел, что у нее точно таким же образом помечена дверь.

Спускаясь по вымощенной плиткой дорожке к мосту, я недоумевал, почему из управления шерифа округа сюда до сих пор не прислали патрульную машину. Если б Карлин, закончив разговор со мной, позвонила туда, полицейские уже должны были бы быть здесь. Я решил позвонить сам с телефона экстренной связи, установленного перед входом на мост.

Туман образовал нимб вокруг синей лампочки над телефоном. Распахнув дверь металлической кабинки, я обнаружил внутри только один провод. Его медные концы были обкушены. Я вспомнил слова Карлин о том, что мужчина звонил с телефона экстренной связи. В здешних местах эта кабинка была единственной.

В ветвях вяза у меня над головой пропела птица. Помимо этого, единственным звуком был шум воды на дне ущелья. Все дома вдоль улицы оставались погружены в темноту. Я перевел взгляд на противоположную сторону моста. Там тоже не было никакого движения.

Натянув рабочие перчатки, я задержался у гравированной таблички, привинченной к столбу у входа на мост: «Это сооружение было покрашено благодаря щедрости Арнольда Ратигана в 1973 году», – гласила надпись. Похожие таблички украшали студенческий городок, подобно хромированным одуванчикам.

Проходя по мосту, я водил перед собой лучом фонарика. Настил был мокрым после дождя. На середине я увидел веревку, закрепленную на левом ограждении. Она была завязана простым узлом. Веревка имела в толщину дюйм, и конец ее был сплетен из четырех прядей разных цветов. На него было надето что-то вроде позолоченного желудя. Все это показалось мне смутно знакомым.

Мой взгляд привлекли предметы, лежащие на бетонном настиле. У основания ограждения под веревкой лежала тоненькая брошюра. На зеленой с золотом обложке черными буквами было написано: «Ваш путеводитель по встрече выпускников колледжа Сент-Эндрюс».

Под словами красовалась цветная фотография того самого моста, на котором я сейчас стоял, сделанная в солнечный осенний день, с пылающими листвой кленами на заднем фоне. К брошюре была подколота запаянная в пластик бирка с фамилией. «Деннис Уитли», буквы выведены каллиграфическим почерком. Рядом с брошюрой стояла зеленая пластиковая кружка с эмблемой встречи выпускников. В ней еще оставалась пара дюймов жидкости. Я узнал аромат дорогого виски.

Я свесился за перила высотой пять футов. В двухстах футах внизу по усеянному камнями дну ущелья шумел пенистый поток воды. Футах в десяти подо мной на другом конце плетеной веревки раскачивался из стороны в сторону большой предмет. Яркий луч света позволил хорошенько его рассмотреть.

Это был не розыгрыш. Действительно, человек.

Мертвец был в костюме в бело-синюю полоску и в белых дешевых шпидлетах. Один шпидлет, похоже, свалился с ноги. Носков не было. На голове по-прежнему была нахлобучена зеленая бейсболка с эмблемой встречи выпускников, развернутая козырьком вбок. Из-под нее выбивались завитки пепельно-соломенных волос. Со своего места лицо мертвеца я видеть не мог.

Пройдя шагов пять вдоль перил, я снова направил на него луч света. Неестественно выпученные глаза невидящим взором уставились на колокольню студенческого городка на противоположном берегу ущелья. Как и у всех мертвецов, каких я видел, они не отражали свет. Спереди рубашка была алой от крови.

Мне еще никогда не приходилось видеть, чтобы веревка наносила такие раны. То, что стиснуло мертвецу шею, глубоко врезалось в кожу, вызвав обильное кровотечение.

Уже в достаточной степени рассвело, и я выключил фонарик. Отходя от перил, увидел, как что-то оторвалось от них, и поймал это левой рукой. Это оказался маленький комочек слипшейся бурой грязи. Дюймах в двенадцати дальше на перилах сверху лежал другой такой же комочек. Пройдя вдоль ограждения, я насчитал еще три.

– Офицер Кантрелл, дальше дело буду вести я, – слышался низкий грудной голос с той стороны ущелья, на которой стояли жилые дома.

Обернувшись, я увидел направляющуюся ко мне капитана Джанет Морго. По пятам за ней следовал Кен Макриди, новый сотрудник службы безопасности. Позади Макриди я разглядел внедорожник капитана Морго, оставленный прямо посреди улицы. Мигалка на крыше не была включена.

Капитан Морго была в форме, которую она лично разработала для службы безопасности колледжа, после того как возглавила ее. Блузка и брюки были темно-бордовыми, с узким золотым лампасом, спускающимся по боковым швам брюк, и золотыми кантами, нашитыми на карманы. На козырьке фуражки красовалось столько яичных желтков, что это порадовало бы адмирала французского военно-морского флота. Кто-то сказал мне, что эта форма получила награду за лучший дизайн на общенациональном съезде сотрудников служб безопасности университетов и колледжей.

Пистолет «Глок-17» лежал в кобуре на ремне, спущенном на бедра, вместе с другими кожаными кармашками, предназначенными для фонарика, сотового телефона и шокового пистолета. В капитане Морго не было ничего мягкого и женственного. Шести футов роста, широкоплечая, физически сильная. Как-то раз я видел, как она в тренажерном зале колледжа выжала в положении лежа штангу весом триста фунтов^[2].

Прежде чем возглавить службу безопасности колледжа Сент-Эндрюс, капитан Морго заведовала исправительным домом для несовершеннолетних правонарушителей. В том, что касалось стиля управления, пленная она не брала – похоже, считала, что любое проявление женственности подорвет ее авторитет.

– Еще одно самоубийство, – небрежным тоном заметила Морго.

Я покачал головой:

– Капитан, я полагаю, что произошло преступление. Все прояснится, когда придет бригада из следственного отдела управления шерифа.

Услышав, как вдалеке хлопнула дверь, я оглянулся на жилой квартал. Из одного из домов вышли несколько человек, судя по всему, привлеченные видом полицейской машины посреди улицы. Теперь новость разлетится быстро. Капитан Морго снова повернулась ко мне.

– Я сказала Карлин никуда не звонить, – сказала она, и бордовая ткань туго обтянула ее грудь. – В эти выходные у нас встреча выпускников. Несомненно, мы имеем дело еще с одним «прыгуном». Как только мы достанем тело, я поставлю в известность полицейское управление Гротона и коронера округа. Он все зафиксирует.

– Я считаю, что этот человек был убит, – сказал я.

– Это ваше личное мнение, – сказала Морго, оглядываясь на разрастающуюся толпу зевак, собравшуюся у входа на мост. – Это уже второй случай за год. Не нужно кричать на весь мир о таких вещах.

Я все уяснил. Другими словами, наши великодушные выпускники с меньшей охотой раскроют свои чековые книжки, лицезрея одного из своих собратьев, висящего под тем же самым мостом, который красуется на обложке праздничной брошюры.

– Нам следует вызвать криминалистическую бригаду, – сказал я, стараясь, чтобы в моем голосе не прозвучало вызова. – Этот мужчина – не эмоционально неуравновешенный студент, и я обнаружил улики, указывающие на то, что к его смерти имел отношение кто-то еще.

Капитан Морго принялась, словно сеттер.

– Офицер Кантрелл, вы пили? – резко спросила она.

Я указал на стоящий у наших ног стаканчик с эмблемой встречи выпускников.

– Я тоже чувствую этот запах.

От окрестных домов к мосту стекались любопытные. Их голоса становились громче после того, как те, кто пришел первым, указывали на покачивающийся под мостом труп.

– С этим мы разберемся позже. Давайте вытащим тело наверх, – сказала капитан Морго, перевешиваясь через перила, чтобы лучше видеть труп. – Мы с охранником Макриди отвяжем веревку и подтянем его к ограждению. Потом я буду держать конец, а вы перетащите тело через перила.

– Я предлагаю принести из своей машины еще одну веревку и обмотать ее вокруг тела, – сказал я. – Шея у него...

– Командую здесь я, офицер Кантрелл, – перебила меня капитан Морго. – Вы слышали мой приказ. Принимаемся за дело.

Как только она развязала узел, веревка скользнула на несколько дюймов вниз, но капитан Морго схватила ее своей мощной рукой и потянула вверх. Кен Макриди поспешил ей на помощь, и они вдвоем начали поднимать труп, перебирая веревку руками.

Перевесившись через перила, я наблюдал за поднимающимся телом. Как это часто происходит в момент смерти, у мужчины расслабился сфинктер, и по мере того как раскачивающийся труп приближался к краю стальных балок, усиливался характерный запах.

– Стоп! – окликнул я, когда плечо трупа уперлось в балку.

– Черт возьми, что вы делаете? – раздраженно спросила капитан Морго, раскрасневшаяся от напряжения. – Давайте поднимем его сюда!

Я увидел, как от дополнительного натяжения петля ту же затягивается на шее. Внезапно голова мертвеца свесилась влево под неестественным углом.

– Ослабьте веревку! – воскликнул я.

Толстый плетеный шнур рывком дернулся вниз где-то на фут, и застрявшее под балкой плечо мертвеца освободилось.

– Теперь можно поднимать, – сказал я.

Качающееся тело снова медленно поползло к моим протянутым рукам. Я уже был готов схватить его за правое плечо, когда раздался громкий хлюпающий хлопок. Казалось, солдат

вытащил сапог из жидкой грязи. Через мгновение голова мертвеца отделилась от остального тела.

Толпа зевак дружно ахнула. Тело начало долгий полет ко дну ущелья. Раскинув в стороны руки и ноги, оно шлепнулось на здоровенный плоский камень посреди потока.

Невероятно, но голова мертвеца осталась подвешенной в воздухе в нескольких футах под мостом: обломок позвоночника застрял в проволочной петле, перерезавшей шею.

– Мать божья... – простонал Кен Макриди, заглянув за ограждение.

Бесформенной грудой он повалился на настил.

Притихшая толпа смотрела на мертвую голову в бейсболке, плотно нахлобученной на пепельно-соломенные волосы, медленно покачивающуюся из стороны в сторону на конце проволоки. Левой рукой я осторожно потянул веревку, поднимая голову к себе.

Она была всего в двух-трех дюймах от моей вытянутой руки, когда вывалилась из петли. Кто-то из зевак вскрикнул. Через несколько секунд голова упала в бурлящий ручей под нами, подняв фонтан брызг. Мгновение она качалась на поверхности воды, но затем стремительный поток унес ее по усеянному камнями руслу.

Капитан Морго неподвижно застыла рядом со мной, провожая взглядом мертвую голову, скрывшуюся за первым порогом. Я взглянул на ее ремень, проверяя, захватила ли она в числе прочего рацию. Не захватила. Я бросился бегом к ее машине.

Лысый мужчина в пижаме снимал происходящее, стоя на площадке перед мостом. Выхватив у него из рук видеокамеру, я устремился напрямик к машине капитана Морго. Распахнув правую переднюю дверь, схватил рацию с зарядного устройства на приборной панели и переключился на частоту экстренных вызовов, выделенную управлением шерифа и полицией округа Гротон.

– Говорит Джейк Кантрелл, служба безопасности колледжа Сент-Эндрюс, – сказал я, стараясь сохранить голос спокойным. – У нас «пять-девять» на подвесном мосту через ручей Фолл-Крик. Возможно, код «двойка». Немедленно пришлите следственную бригаду.

Диспетчер в управлении шерифа тотчас же подтвердил, что вызов принят. Диспетчера полиции Гротона я попросил связаться с пожарными, чтобы те выслали поисковый отряд к концу порогов и попытались перехватить голову жертвы, прежде чем ее унесет в озеро.

Последовала пауза, наконец диспетчер ответил:

– Вас понял... будет передано.

Мне оставалось только гадать, какую реакцию вызвало это известие.

Лысый мужчина, у которого я отобрал видеокамеру, подошел к машине капитана и принялся колотить в стекло, требуя, чтобы я ему ее вернул. Распахнув дверь, я решительно выбрался из машины, сжимая камеру в руке. Мужчина попятился назад.

– Вы сможете забрать видеокамеру в службе безопасности колледжа после того, как мы изучим запись, – сказал я. – Спасибо вам за вашу гражданскую позицию.

Направляясь через толпу, я услышал вдалеке повторяющиеся отголоски сирен машин чрезвычайных служб.

– По-моему, это Джейк Кантрелл, – сказал какой-то мужчина в толпе.

– Господи, это *точно* он... это Танк, – пробормотал второй.

Оба бывших выпускника были примерно одних лет со мной. Оба в зеленых с белым толстовках с эмблемой колледжа Сент-Эндрюс. У одного такой живот, словно он на шестом месяце беременности. Второй сжимал в правой руке бутылку пива.

– Джейк, жалко, что ты сегодня не сможешь выйти на поле, – окликнул меня он, пока я

протискивался сквозь толпу.

Кен Макриди охранял вход на мост. Его молодое веснушчатое лицо было перекошено. К одному ботинку прилипли две тонких струйки рвоты.

– Извините, Джейк, – пробормотал он.

– Не бери в голову, – сказал я, похлопав его по плечу. – С минуты на минуту сюда прибудет следственная группа из управления шерифа. А пока, полагаю, тебе нужно перегородить желтой лентой вход на мост с обеих сторон и переписать номера всех машин на стоянке. Может статься, кто-либо из владельцев видел что-нибудь вчера вечером, и их следует опросить как можно быстрее.

– Слушаюсь, сэр! – ответил Кен.

– Пропал телефон экстренной связи в кабинке под синим огоньком на краю ущелья. Возможно, тот, кто это сделал, выбросил его вниз. Имеет смысл поискать его: вдруг на нем остались отпечатки пальцев.

– Слушаюсь, сэр! – повторил Кен.

Я по-прежнему держал в руках видеокамеру.

– Когда закончишь, отнеси это к нам. Вероятно, на ней нет ничего стоящего, но, по крайней мере, видео с головой не будет выложено в Интернет.

Кен направился к машине, но я его окликнул:

– Первым делом возьми камеру и засними всех, кто собрался на площадке.

– Слушаюсь, сэр! – снова повторил Кен.

Капитан Морго не двинулась с того места, где до этого висело мертвое тело. Она стояла, подбоченившись, и глядела на меня так, будто это я был повинен в потере трупа.

Конец плетеного шнура по-прежнему свешивался с перил. К нему был прикреплен кусок оцинкованной проволоки длиной около фута; окровавленная петля сжалась в диаметре всего до одного дюйма.

Это была проволочная спираль, острая, как бритва, штуковина, которую мы использовали для защиты своего базового лагеря в Афганистане. Всего несколько недель назад я видел, как целую катушку такой проволоки разматывали вокруг стройки после того, как местные защитники окружающей среды разбила стекла бульдозера.

– Вероятно, этот человек веселился где-то неподалеку, – сказал я капитану Морго, убрав веревку и сняв перчатки. – Полагаю, он из какого-либо студенческого братства. У него был соответствующий вид.

– Мне прекрасно известно о ваших блестящих лидерских качествах, – ответила та, глядя мне в лицо.

К ее внедорожнику подкатили две полицейские машины. Следом за ними подъехала машина пожарной команды Гротона. Из второй полицейской машины выбралась грузная туша шерифа Джима Дикки. Он направился к мосту.

– Вы свободны, – произнесла капитан Морго таким тоном, будто она была генералом Джорджем Паттоном^[3], а я только что провалил операцию по высадке в Сицилии.

Я захромал прочь, но она окликнула меня:

– Офицер Кантрелл, вы одеты не по форме.

Я по-прежнему был в синем пуловере, в котором спал, а также в джинсах и кроссовках. У меня мелькнула было мысль сказать, что я думаю по поводу ее формы, но я сдержался. Я проработал на этой работе всего шесть месяцев, но мой послужной список уже был полон мелочных замечаний. Последний проступок, вероятно, уменьшит мое жалованье за этот

месяц еще на десять долларов.

– Вы приведете себя в надлежащий вид и доложите мне в девять ноль-ноль.

Навстречу мне шел шериф Дикки, направляющийся к мосту.

– Эй... а вот и наш Солдат, – с презрительной усмешкой окликнул меня он, когда мы поравнялись.

Имея мускулатуру вола, Дикки при росте шесть футов два дюйма весил по меньшей мере двести восемьдесят фунтов^[4]; его седые волосы были коротко подстрижены, а подбородок торчал длинным тонким клином. Лет пятидесяти, он уже почти два десятилетия был шерифом округа.

– А ты сегодня никого из своих не убил? – насмешливо спросил Дикки.

Я пропустил его слова мимо ушей.

– Ну конечно, еще слишком рано, – донесся мне вслед его скрипучий голос.

Я поднял взгляд на утреннее небо. Из пепельно-серого оно стало нежно-голубым. В ослепительных лучах солнечного света развесистые дубы и клены по склонам ущелья словно вспыхнули огнем.

Когда я подошел к своему пикапу, по склону с ревом поднялся красный мотоцикл, свернувший на стоянку. Это был старый «Индиан Скаут», любовно восстановленная классика.

Затормозив, приехавшая на нем молодая женщина правой ногой опустила подножку. На руле мотоцикла был закреплен радиосканер, настроенный на полицейскую частоту, и я услышал отрывистый голос диспетчера. Одним изящным движением женщина слезла с мотоцикла и направилась к мосту.

Перегородив ей дорогу, я поднял руку. Женщина взглянула на полицейский значок у меня на пуловере.

– Туда нельзя, – сказал я.

– Я Лорен Кеннистон из «Джорнал».

Лет тридцати, она была около пяти футов девяти дюймов роста, стройная, атлетического телосложения. Одета в точности так же, как и я: пуловер и джинсы, но только вместо кроссовок высокие ботинки. Вероятно, Лорен Кеннистон спала, когда по рации поступил вызов.

– Замечательно, но мы расследуем смерть человека на этом мосту, – сказал я. – В настоящий момент пройти туда нельзя никому, кроме сотрудников правоохранительных органов.

– Судя по донесению, которое я услышала по рации, речь идет о трупе без головы.

Наверное, я очень устал, иначе попридержал бы свой язык.

– Об этом вам лучше поговорить с Икабодом Крейном^[5], – сказал я. – Просто не подходите ближе.

Большие зеленые глаза гневно вспыхнули под короной золотисто-каштановых волос.

– У меня есть полное право освещать сюжет, имеющий отношение к нашим читателям! – возразила Лорен. – Дайте мне переговорить с вашим начальником! – Посмотрев поверх моего плеча в сторону моста, она окликнула: – Шериф Дикки!

Обернувшись, я увидел, что Большой Джим направляется к нам.

– Этот неудачник вам мешает? – спросил он, подойдя к нам.

– Он не хочет пропускать меня к мосту.

– Здесь у него столько же полномочий, сколько у ведра с блевотиной. Это же

знаменитый Джейк Кантрелл. Наверняка вы читали о том, что он натворил в Афганистане. У нас во Вьетнаме встречались такие, так их быстренько разрывало гранатой. Вам надо написать о нем материал.

– Непременно подумаю над этим, – ответила Лорен.

– Идемте со мной, – сказал шериф, обнимая ее за плечо и уводя к мосту. – Но все уже закончилось. Похоже, это был еще один самоубийца...

Лорен мельком оглянулась на меня, но шериф уже уводил ее прочь.

Сидя в кабине своего пикапа, я наблюдал за тем, как гротонская пожарная команда достает из машины свое снаряжение. Два человека приготовились спуститься по отвесной стене каньона к лежащему на дне труп.

Капитан Морго по-прежнему стояла посреди моста вместе с Джимом Дикки. Раскуриив трубку из стержня кукурузного початка, она уверенно указывала в сторону нижних порогов. Журналистка находилась вместе с ними.

Обернувшись, я увидел остановившийся на обочине зеленый «Вольво». Я узнал эту машину. Она принадлежала Джордану Лэнгфорду, президенту колледжа Сент-Эндрюс, тому самому человеку, который устроил меня на работу в службу безопасности.

Мне показалось странным, что Джордан уже знает о мертвце. Карлин ни за что не позвонила бы ему домой, и я был уверен, что капитан Морго также не сделала бы этого, не побывав лично на месте происшествия.

Выйдя из машины, Джордан постоял с минуту, глядя на суету на мосту. Его кожа цвета кофе с молоком разительно контрастировала с белой тенниской и шортами. Я ожидал, что Джордан спустится к мосту, однако он вместо этого достал из кармана сотовый телефон и набрал номер. Сказав в телефон несколько слов, снова сел в машину и уехал.

Спускаясь вниз по крутому склону, я заметил Кена Макриди, который, не привлекая к себе лишнего внимания, стоял в тени под деревьями и снимал на конфискованную видеокамеру толпу зевак. Из него получится хороший полицейский.

Таверна «Фолл-Крик», расположенная дальше по склону, уже открылась, и от посетителей не было отбоя. В окно я увидел не меньше десяти человек, которые сидели на высоких табуретах у стойки, готовясь к тому, чтобы провести в таком положении весь день. Мне очень хотелось присоединиться к ним и тоже чего-нибудь выпить, чтобы добавить себе уверенности, но я все-таки решил вернуться домой и привести себя в порядок перед докладом капитану.

Озеро Гротон застыло в безмятежном спокойствии. Я свернул на плотно утрамбованную щебенку, ведущую к моему домику. Это был старый одноэтажный дом, сложенный из обтесанных вручную бревен. В обшитой сосновыми досками гостиной имелся большой каменный камин. Примитивная ванная оборудована белым эмалированным поддоном на чугунных ножках.

Стрекоза встретила меня у двери, однократно махнув своим пушистым хвостом. Открыв холодильник, я достал горшок с курицей под чесночным соусом, приготовленной накануне вечером. Разогрев порцию в кастрюле, размял в бульоне два куса любимого лакомства Стрекозы и поставил миску на веранде.

Целую минуту Стрекоза смотрела на курицу так, будто та была приправлена стрихнином. Затем она уставилась на водную гладь озера, словно размышляя, не искупаться ли ей.

– Ну же, малышка! – сказал я.

В последнее время стало практически невозможно уговорить ее поесть. Порой она целый день, а то и два обходилась одной водой, и мне приходилось буквально умолять ее. Как и сейчас. Достав из миски маленький кусок курицы, я принялся жадно его жевать.

– Черт побери, лучше ты ешь, а то я сам съем все, – сказал я.

Стрекоза печально посмотрела на меня своими большими черными глазами, словно она скучала по своему дому в Хайберском проходе и недоумевала, зачем я притащил ее в противоположный конец земного шара в эту забытую богом дыру.

– Джулия Чайлд специально приготовила это для тебя, – сказал я.

После того как я на протяжении стольких лет использовал эту фразу, у меня не хватало духа признаться Стрекозе, что Джулии больше нет в живых. Впрочем, мои уговоры все равно помогали редко.

– Кончай отлынивать и ешь! – строго произнес я.

Словно оказывая мне монаршую милость, Стрекоза медленно опустила морду к миске и осторожно попробовала маленький кусочек.

– Ну вот, наконец-то! Молодец! – подбодрил ее я, после того как она без особого энтузиазма прожевала первый кусок.

Стрекоза оторвалась от миски и посмотрела на меня, словно ожидая похвалы.

– Поздравляю! – сказал я.

Стрекоза съела еще два куска курицы, после чего полакала бульон. Теперь ребра у нее торчали сквозь шкуру. Если так будет продолжаться и дальше, останется лишь кормить ее силой; эта мысль была ненавистна мне так же, как и мысль о том, что кто-то будет насильно кормить меня. Отойдя от миски, Стрекоза тяжело дотащилась в дальний угол веранды и плюхнулась на свою любимую подстилку.

За всю предыдущую ночь я проспал всего часа три. Через два часа мне предстоял этот идиотский рапорт. Вернувшись на кухню, я стал варить крепкий кофе в голубой эмалированной кастрюльке.

Пока нагревалась вода, я спустился к пристани на берегу озера. Взяв с верстака потрескавшиеся кожаные перчатки, подошел к тяжелому холщовому мешку с песком, висящему над причалом, и начал наносить по нему удары. Сначала – медленно, размеренно.

«Зачем я вернулся сюда?» – в тысячный раз спрашивал себя я. Ну уж, конечно же, не для того, чтобы сносить издевки таких людей, как Джим Дикки, хотя во время трибунала я вдоволь наслушался вещей и похуже. После того как я позволил армии добить меня, мне на самом деле уже было все равно.

Тяжелый мешок начал свободно раскачиваться из стороны в сторону.

Сюда я вернулся отчасти потому, что это место было ближе всего к тому, что я мог считать своим домом. Мне было двенадцать лет, когда мои родители погибли в авиакатастрофе. Тетка и дядя отправили меня в пансион. С тех пор я жил самостоятельно. И в колледже Сент-Эндрюс обрел всё. Казалось, жизнь открыла передо мной золотые горизонты.

А потом я встретил Блэр...

На самом деле вернулся сюда я из-за нее.

Я познакомился с ней на втором курсе, в первом семестре. Блэр приехала на выходные из Уэллсли, и в субботу вечером после футбольного матча она заглянула на праздничную вечеринку к нам в общежитие. С первого же взгляда я решил, что она самая потрясающая девчонка на свете.

И дело тут было не только в ее фиолетовых глазах и удивительной красоте. Жизнерадостная и веселая, Блэр излучала поразительную смесь невинности и чувственности. Остаток вечера мы с ней провели, разговаривая у меня в комнате. Я к ней даже не притронулся. В основном мы говорили о литературе, музыке, политике и о мечтах

Блэр помочь изменить наш мир – сделать его таким, чтобы «детям не пришлось расти в страхе перед насилием и голодом». Она действительно так говорила. Я был убежден в том, что даже если мы проживем вместе целую жизнь, то все равно не выговоримся до конца.

Весенние каникулы мы провели вместе в лагере в Адирондакских горах. За эти несколько дней Блэр пробудила во мне такие чувства, о существовании которых я даже не подозревал. Любовью она занималась чуть ли не с первобытной страстью. Я несказанно гордился тем, что она стала моей.

В следующем семестре Блэр перевелась в Сент-Эндрюс, и последние два года учебы в колледже мы прожили вместе. После выпуска провели два месяца в Европе, разъезжая на выдавшем виды мотоцикле «БМВ», купленном мною в Амстердаме. Ночами мы нередко просто съезжали с дороги на стоянку в лесу, пожирали еду, купленную в кафе, и сворачивались клубком в двухместном спальном мешке.

Когда мы вернулись, меня призвали в армию, а Блэр устроилась в рекламное агентство в Нью-Йорке. Мои увольнения мы проводили вместе. Когда меня послали в Афганистан, Блэр подарила мне серебряный жетон, на котором были выгравированы слова: «Джейку от Верного Сердца».

На девятом месяце моей командировки пришло письмо. Блэр написала, что полюбила другого мужчину. Она не хотела сделать мне больно, просто так получилось. После этого естественный ход моей жизни разрушился.

«Оставь все в прошлом и иди дальше, – твердил я себе. – Скорбеть в нашем сумасшедшем мире по потерянной любви глупо. Ты только что вышел живым из смертельной битвы. Нужно двигаться вперед». Но я по-прежнему любил Блэр. Мне казалось, что у меня обманом отняли будущее, ждавшее нас обоих...

Я принялся сильнее колотить тяжелый мешок, нанося яростные удары, отзывавшиеся до самого плеча. Через пять минут с меня градом катил пот, костяшки пальцев ныли, в руках не осталось силы.

Сняв с себя промокшую насквозь одежду, я нырнул с мостика. Отплыв на глубину, перевернулся на спину и несколько минут просто лежал, глядя на кобальтово-синее небо.

Меня по-прежнему терзала безответная любовь.

Не спеша подплыв назад к берегу, я захватил одежду и гольшом направился в дом. Убедившись в том, что Стрекоза еще спит, налил первую чашку кофе и побрился в мойке на кухне. Зеркалом я уже давно не пользовался.

Глядя в зеркало, я не испытывал спокойное одобрение. Это было гневное противостояние. «Безмозглый осел» – вот любимое приветствие, с которым я обращался к самому себе. В отражении в оконном стекле я увидел неясный образ с растрепанными волосами и грубым обветренным лицом.

Летние коттеджи по обе стороны от моего дома на зиму были заперты и заколочены. В лесу стояла полная тишина. Откуда-то со стороны озера прохладный осенний воздух доносил запах горелой листвы.

Я включил радио, ожидая услышать в выпуске новостей про смерть мужчины в ущелье. Вместо этого диктор сообщил о том, что ураган «Ильза» терзает Южную Каролину ветрами, скорость которых достигает ста двадцати миль в час. Ураган движется на север по траектории, затрагивающей Аллеганские горы, а к утру воскресенья, возможно, обрушится на окраины штата Нью-Йорк.

Я поймал себя на том, что испытал восторг от подобной перспективы. Бури неизменно

возбуждают меня. В основном своей чистой первозданной силой – снежные бураны, штормы, ураганы и даже один тропический муссон, который мне довелось пережить.

Прежде чем покинуть дом, я налил воды Стрекозе в миску и подпер кирпичом открытую дверь на веранду, чтобы собака имела доступ к полоске лужайки, ведущей к озеру. Стрекоза любила свободно разгуливать по своим крошечным владениям. Можно было не опасаться, что она убежит. В отличие от Блэр Стрекоза готова была ждать меня вечно.

К тому времени как я вернулся в студенческий городок, было уже около половины девятого, и дороги, ведущие в колледж, были запружены подъезжающими выпускниками. Движение практически полностью застопорилось; машины останавливались прямо посреди улиц, и водители изучали таблички, установленные для того, чтобы помочь бывшим выпускникам найти места сбора своих курсов.

Выпускники были всех возрастов и раскрасок; те, кто постарше, носили соломенные шляпы и яркие спортивные куртки. У многих на шее висели бирки с фамилиями. Люди возвращались туда, где давным-давно провели четыре года своей жизни.

Некоторые из выпускников постарше уже начинали увядать и уходили в тень развесистых дубов, обрамляющих «квадрат». Мимо них спешили нынешние студенты, направляясь в новые учебные корпуса.

В те времена, когда я учился в Сент-Эндрюс, в «квадрате» размещались научный и гуманитарный факультеты. Именно там проходили все занятия. Старинные каменные здания со средневековыми арками, заросшие плющом, до сих пор красуются на рекламных проспектах. Теперь в них разместились кабинеты преподавателей и комнаты обслуживающего персонала. А все занятия проводились в новых учебных корпусах. Отдельно стояли учебные корпуса для латиноамериканцев, для афроамериканцев, для азиатов, а также корпуса факультетов нанотехнологий и вычислительной техники. Рядом с торговым центром возводился учебный корпус для голубых, лесбиянок, бисексуалов и трансвеститов.

За полтора столетия, прошедших с момента основания, колледж претерпел много изменений. Один из меценатов-шотландцев назвал его в честь колледжа Сент-Эндрюс в Шотландии, третьего по старшинству в англоязычном мире.

Поскольку вся территория студенческого городка была забита машинами, я не смог устроиться на стоянке и в конце концов поставил свой пикап перед административным зданием, заняв последнее свободное место.

На бордюрном камне было выведено краской: «Зарезервировано за проректором». Выйдя из пикапа, я засунул под щетки «дворника» картонку со своим значком, гласящим: «Сотрудник полиции при исполнении», и, надев форменную фуражку, направился в здание, где размещалась служба безопасности колледжа.

Над каменными воротами, ведущими в «квадрат», был растянут огромный транспарант. Под надписью «Век мастодонтов» красовалось реалистичное изображение большого волосатого мамонта. Мамонт взирал на меня с печальной отрешенностью, словно думал только о том, как бы вернуться обратно в свой ледник. Я прекрасно понимал его чувства.

Служба безопасности колледжа размещалась в двухэтажном кирпичном здании рядом со студенческим спортивным центром. Несколько лет назад строители разобрали старые гипсовые внутренние перегородки вместе с лепниной, деревянной обивкой и дверями из полированного ореха. Новые перегородки были толщиной с лист картона, а двери – из ламинированного пластика.

Войдя в здание, я увидел двух подростков на дубовой скамье в отгороженном стальной

сеткой отделении для задержанных. Первый был похож на Клецку Пиллсбери^[6]; рыжие вьющиеся волосы и бледная, как тесто, кожа. Он плакал. Второй внешне напоминал испанца или итальянца, с черными волосами до плеч и маленькими, близко посаженными глазами.

Им было лет по одиннадцать; оба в мешковатых джинсах, спущенных на бедра, новых баскетбольных кроссовках, трикотажных майках с эмблемами НБА и бейсболках с козырьком на правое ухо.

– Это ты все запарол, чувак, – сказал черноволосый. – Ты сам!

Я предположил, что это взбунтовавшиеся дети преподавателей колледжа.

– Итак, в каких неблагоприятных деяниях вы повинны? – спросил я у рыжего.

– Мы... ну... – начал тот, растирая по лицу слезы. – Мы... ну...

– Коди, заткнись, твою мать! – одернул его черноволосый.

– *Mi casa es su casa*^[7], – сказал я.

– Что, козел, хочешь ко мне подмазаться? – грубо ответил черноволосый.

Я направился в свой отгороженный пластиком закуток в углу. Не успел я сесть за стол, как появилась Карлин, идущая напрямиком к кофеварке у противоположной стены. Она то и дело искоса поглядывала на меня.

– Работаешь сверхурочно? – спросил я, стараясь помириться с ней после нашего предыдущего разговора.

Пропустив мои слова мимо ушей, Карлин налила чашку кофе без кофеина, добавила три ложки сахара и ушла так же, как пришла.

В этот момент распахнулась дверь заднего входа, и в дежурное помещение вошел грузный мужчина в оранжевой тенниске и оранжевых спортивных брюках. Мельком взглянув на подростков за сеткой, подошел ко мне.

– Офицер Кантрелл, – прочитал он мою фамилию на бирке. – Кажется, мы незнакомы.

Ему было лет шестьдесят; налитые кровью глаза, толстый красный нос. Красные пятна на обнаженных руках красноречиво указывали на проблемы с печенью.

– Прошу прощения, но это помещение закрыто для посторонних, – сказал я. – Вход для посетителей с противоположной стороны.

– Я не посторонний, – сказал мужчина. – Я – Роджер Маркэм. Почему бы вам не сбегать в кабинет к Джанет Морго и не сказать ей, что я приехал к своим клиентам?

Очевидно, он полагал, что его имя произведет на меня впечатление.

– Почему бы вам просто не обратиться в службу «Федерал экспресс»? – предложил я. – Вас доставят на место в считанные часы.

Черноволосый мальчишка за сеткой громко фыркнул.

– Я позабочусь о том, чтобы капитан Морго узнала о вашем вызывающем поведении, – пригрозил Роджер Маркэм перед тем, как направиться дальше по коридору.

В дежурной зазвонил телефон.

– Кантрелл, – ответил я.

– Это Джим Дилл из пожарной части Гротона, – сказал голос. – Я по поводу того «пять-девять»... наша команда два часа работала в конце порогов.

– Вы нашли голову? – спросил я.

– Никак нет... но мы нашли его бейсболку.

– Это уже хоть что-то.

– Мы готовим водолаза к погружению в озеро, – добавил Джим Дилл. – А примерно через час группа добровольцев обследует мелководье у устья ручья.

– Какая награда ждет счастливицу, который найдет голову?

– Расставание с завтраком, – ответил он.

– Спасибо за информацию.

У меня гудела голова, поэтому я подошел к кофеварке, налил себе кружку кофе и, вернувшись в свой закуток, принялся за утреннюю газету.

На первой полосе был материал о том, что Десятая горная дивизия снова покидает Форт-Драм и отправляется в далекие края. Я подумал о том, как хорошо дивизия показала себя в Афганистане, и тотчас же нахлынули воспоминания. Я поспешил перейти к спортивному разделу.

Главной темой был предстоящий футбольный матч, который должен был начаться в два часа дня. Тренер Йорк питал большие надежды относительно своего опорного защитника, студента второго курса. Отложив газету, я зевнул.

В армии я научился спать буквально где угодно и впоследствии еще больше отточил эту технику, позволявшую мне делать вид, будто я слушаю всякий вздор на совещании, склонив голову и якобы сосредоточенно изучая лежащие на коленях документы. Труднее всего удержаться от того, чтобы не клевать носом. Мне достаточно провести в таком положении пять-десять минут, и я просыпаюсь посвежевшим.

Достав с полки на стене наставление по обеспечению безопасности, я раскрыл его на столе перед собой. Поставив рядом руку, уронил на нее голову. Через несколько мгновений я уже спал.

– Офицер Кантрелл!

Открыв глаза, я поднял взгляд и увидел лейтенанта Риттерспоф, которая стояла перед столом и разглядывала наставление. Она находилась по крайней мере на восьмом месяце беременности. Ее просторное белое хлопчатобумажное платье было разукрашено красными барашками.

– Доброе утро, – сказал я. – Я как раз освежал в памяти, какие альтернативы могут быть у заключения под стражу.

– Да, вижу, – загадочно улыбнулась Риттерспоф. – Но я простояла здесь целую минуту, а вы не пошевелили ни единым мускулом.

– Материал очень увлекательный, – сказал я.

– Вы не могли бы пройти ко мне в кабинет?

– Разумеется.

Я прошел следом за ней и поднялся на второй этаж. Идя по коридору, вспомнил, как вот так же в седьмом классе шел в кабинет директора после того, как совершил какой-то проступок.

Кабинет лейтенанта Риттерспоф находился в конце коридора второго этажа. Стены были выкрашены в ярко-оранжевый цвет. На пластмассовых полках стояли цветы в глиняных горшках. На столе в миниатюрной буддийской курительнице дымилась палочка с благовониями.

Цифровые часы на стене перескочили на «8:59».

– Прежде чем мы начнем, хочу предупредить вас, что ровно в девять часов я должен предстать для доклада перед капитаном Морго, – сказал я.

– Ваш доклад перенесен, – сказала лейтенант Риттерспоф.

Это была миловидная светловолосая женщина, с мягкой речью. Я вспомнил, что, до того как прийти в службу безопасности, она работала психологом в отделе социальной помощи

медицинского центра Гротона.

– Вы позволите обращаться к вам просто по имени? – спросила Риттерспоф.

Я насторожился. Среди всего прочего, чему нас обучали в учебном центре сил специального назначения, была техника ведения допроса, заключающаяся в том, что сначала с пленным устанавливались доверительные отношения, после чего следовал удар кувалдой. Вероятно, той же самой техники придерживались и бывшие социальные работники.

– Конечно, – ответил я.

– А вы не стесняйтесь звать меня Эмили.

– Благодарю вас.

– На мой взгляд, Джейк, у вас есть все качества, чтобы стать хорошим полицейским.

Я вспомнил, как миллион лет назад в Афганистане эти же самые слова сказал мне один подполковник. Он был убит в пещерах в горах Тора-Бора.

– Я также считаю, что мы должны быть нацелены на внутренний рост.

Риттерспоф помолчала, ожидая от меня какого-либо замечания. Я ничего не сказал.

– Должна вам сказать, что сегодня утром, приехав сюда, я застала Карлин в слезах, – продолжала она. – Вы ее запугали.

– Я даже не думал ее запугивать, – возразил я.

– Быть может, все дело в вашей ауре, – сказала лейтенант Риттерспоф.

– В моей ауре?

– У всех нас есть аура, Джейк. И так получилось, что вы излучаете очень сильную ауру. Иногда аура человека может вызывать непредвиденные последствия.

– Если вы считаете, что это поможет, я с радостью принесу Карлин свои извинения, – сказал я.

– Боюсь, тут дело значительно глубже. Карлин сказала мне, что, когда она позвонила к вам за помощью, вы отнеслись к ней легкомысленно и несерьезно и первоначально отказались приехать на место самоубийства.

Значит, начальство уже определилось с тем, что это было самоубийство. Я подумал было о том, чтобы изложить Риттерспоф причины необходимости возобновить расследование. Однако она не дала мне возможности раскрыть рот.

– Карлин восприняла ваши слова как личное оскорбление, – добавила Риттерспоф. – Она посчитала их глубоко женоненавистническими. И если то, что она сказала, правда, я должна с ней согласиться.

– Я не говорил ничего женоненавистнического, – ответил я, стараясь вспомнить, что же именно сказал.

– Вы помните, как пошутили над несчастной студенткой, которая в прошлом месяце перебрала таблеток снотворного? Помните, как называли Карлин «милочкой»?

– Карлин переживала по поводу того, что она одна на дежурстве. Если я и назвал ее «милочкой», то только чтобы успокоить.

– Разговор был записан, Джейк. Когда я изучу запись, факты сами все скажут за себя. Вы никогда не думали о том, чтобы пройти курс терапии познания?

– Какой терапии? – спросил я, стараясь сохранить спокойный тон.

– Терапии познания, которая поможет вам установить контакт с вашим внутренним «я», – объяснила Риттерспоф.

Я собирался ответить, что скорее пройду колоноскопию сантехническим ершиком для прочистки канализационных труб, но тут раздался стук в дверь, и в кабинет заглянула

секретарша.

– Прошу прощения за беспокойство, лейтенант, но пришла миссис Уитли, и капитан Морго хотела бы, чтобы вы присоединились к ним.

Риттерспоф тотчас же встала.

– Ну, Джейк... мы продолжим этот разговор, как только я вернусь. Это недолго.

Я сидел, гадая, как сохранить эту работу, как вдруг вспомнил, что фамилия «Уитли» была выведена от руки на бирке, приколотой к брошюре, которую я нашел на мосту. В этой фамилии было еще что-то, но мне так и не удалось это определить.

Не спеша подойдя к окну, я выглянул на улицу. Две студентки разлеглись на лужайке перед зданием. Одна загорала, а вторая кормила кусочками булки двух белок. С величественных дубов медленно опадали листья на недавно подстриженную траву.

Внезапно в открытую дверь донесся женский крик, проникнутый болью. Он прозвучал в кабинете капитана Морго. Полный страданий, крик перешел в тихие всхлипывания. Осторожно приблизившись к двери, я услышал голос лейтенанта Риттерспоф, мягко утешающей убитую горем женщину:

– Я глубоко вам сочувствую, миссис Уитли...

Высунув голову за угол, я в приоткрытую дверь увидел узкую полоску кабинета. Посреди стояла женщина; на изящном худом лице у нее было то потрясенное выражение, какое бывает у человека, которому только что сообщили о неизлечимой болезни.

Капитан Морго сидела за письменным столом, уставившись на экран сотового телефона. Рядом стоял мужчина в штатском из управления шерифа, делая пометки в блокнот. Лейтенант Риттерспоф стояла ко мне спиной.

– Деннис ни за что не покончил бы с собой, – всхлипывая, выдавила миссис Уитли. – У него было столько интересов в жизни! К тому же он не терпел большую высоту. У него панический страх. Он ни за что не пошел бы по этому мосту... не говоря уж о том, чтобы свеситься через перила.

Лет сорока с небольшим, она была не больше пяти футов роста, стройная, с длинными черными волосами. Судя по всему, оделась для празднования встречи выпускников в неформальной обстановке: темно-синяя блузка, белая ветровка и плиссированная юбка с кроссовками. На голове соломенная шляпа с красной лентой. На шее болталась бирка с именем «ИВЛИН», выведенным прописными буквами.

– Мы получили предварительные результаты из лаборатории управления шерифа, миссис Уитли, указывающие на то, что в крови у вашего мужа был очень высокий уровень алкоголя, – сказала капитан Морго.

– Мой муж не пил спиртное. Никогда! Он его терпеть не мог! – ответила миссис Уитли. – Серdito вскинув правую руку, чтобы вытереть слезы, она локтем скинула с головы шляпу и, поднимая ее с пола, решительно заявила: – Я не буду плакать!

– Уровень алкоголя почти вдвое превышал максимально допустимый для управления машиной, – продолжала капитан Морго, – а рядом с местом его смерти стоял стакан с виски.

– А я говорю вам, что Деннис не пил! – категорическим тоном повторила вдова.

– Такое событие всегда становится ужасным потрясением, особенно для близких членов семьи, – сказала лейтенант Риттерспоф. – И нередко оказывается, что они последние, кто узнаёт о пагубных пристрастиях...

– Ради всего святого! – Дрожащий голос миссис Уитли окреп. – Вы говорите о моем муже. Я знаю его лучше, чем кто бы то ни было. И говорю вам: он ни за что не сделал бы

такое... пожалуйста... я хочу посмотреть на него.

Следователь из управления шерифа оторвался от стены.

– Полагаю, лучше этого не делать, – сказал он.

«По крайней мере до тех пор, пока вы не найдете голову бедняги», – мысленно согласился я.

В этот момент из-за угла появилась Карлин и застыла на месте, увидев, что я загородил дверь. Мелькнувшая у нее в глазах тревога тотчас же сменилась торжествующим удовлетворением.

– Президент хочет немедленно видеть вас, – сказала она. – Его секретарша сказала, что это очень важно.

Я по-прежнему напрягал слух, пытаюсь разобраться, что говорил следователь миссис Уитли.

– Какой президент? – шепотом спросил я.

– Президент Джордан Лэнгфорд... президент колледжа. – Карлин ликующе сверкнула глазами.

Посмотрев на нее, я сообразил, что, с ее точки зрения, вызов к президенту мог означать только одно: за все мои прегрешения меня срубят под корень сам большой кахуна^[8].

– Спасибо, Карлин, – шепотом ответил я. – Я загляну в свой календарь.

Ее пустые глаза наполнились обычным недоумением. Она продолжила путь по коридору.

– Миссис Уитли, – говорила за приоткрытой дверью лейтенант Риттерспоф, – у меня есть опыт работы с жертвами трагических происшествий, и у нас в штате колледжа есть три в высшей степени одаренных психолога. Я бы хотела посоветовать вам обратиться к одному из них...

– Мне не нужны ваши чертовы психологи! – гневно сверкнув глазами, выкрикнула Ивлин Уитли. – Мой муж умер, и я хочу знать почему.

Если б я не был сыт по горло своей работой, то ни за что не сделал бы этого. Не задумываясь о последствиях, я распахнул дверь и прошел в кабинет.

Подняв на меня взгляд, капитан Морго прорычала:

– Что вам нужно?

– Миссис Уитли, ваш муж служил в армии? – спросил я.

– Это закрытая встреча, офицер Кантрелл, – сказала капитан Морго. – Немедленно покиньте мой кабинет!

– Нет, не служил, – ответила миссис Уитли. – Почему вы спросили?

– На этом всё, офицер Кантрелл! – приказала капитан Морго. Выйдя из-за стола, она шагнула ко мне.

– Я уверен в том, что ваш муж не покончил с собой, – сказал я. – Определенно он находился на том мосту не один.

Капитан Морго поместила свое могучее тело передо мной.

– Вы отстраняетесь от дежурства, офицер Кантрелл, – сказала она. – А теперь уходите из моего кабинета.

Я оглянулся на миссис Уитли. Та таращилась на меня, одетого в эту идиотскую форму, так, словно я только что свалился с Марса.

Уходя, я не отдал честь капитану Морго. Идя по коридору, услышал, как позади захлопнулась дверь. Проходя мимо одного из кабинетов, краем глаза заметил через открытую

дверь яркое пятно. Посмотрев в ту сторону, увидел лицо журналистки с золотисто-каштановыми волосами, которую встретил возле моста. Та смотрела на меня с таким выражением, словно я поймал ее с поличным на мелкой краже.

Судя по всему, она слышала все, что произошло в кабинете капитана Морго.

Не останавливаясь, я пошел дальше.

Пересекая площадку, покрытую пятнами солнечных лучей, пробивающихся сквозь листву, и направляясь в кабинет Джордана Лэнгфорда, я размышлял, насколько вероятно то, что я спущусь еще на одну ступеньку карьерной лестницы и встану за стойку бара в таверне «Фолл-Крик».

Впереди меня на вымощенной плиткой дорожке студент бросил летающую тарелку ирландскому сеттеру. Подпрыгнув высоко в воздух, собака крепко зажала зубами тарелку и убежала за памятник Фрэнсису Чаннингу Барлоу, генералу северян времен Гражданской войны.

Кабинет Джордана находится на последнем этаже Гастингс-Холла, гранитного здания со средневековыми парапетами и каменными химерами по углам. Он занимает целый этаж, и из него открывается впечатляющий вид на студенческий городок и озеро за ним. Из приемной даже можно разглядеть мой домик.

Когда я вошел в наружные стеклянные двери, девушка, сидящая за столом в приемной, подняла на меня взгляд. Очевидно, это была студентка-стажер. Посреди ее светлых волос, обрывающихся на затылке так, словно их обкорнали садовыми ножницами, проходила бордовая полоса шириной в пару дюймов. На столе перед ней лежал раскрытый «Источник»^[9] в мягком переплете.

Сняв фуражку, я сказал:

– Я здесь, чтобы увидеться с императором колледжа Сент-Эндрюс, если он в настоящий момент находится у себя в покоях.

Девушка улыбнулась, открывая два ряда стальных брекетов. У нее за спиной из кабинета вышел Джордан, поглощенный чтением документов в папке, которую он держал в руках. Бросив папку на стол секретарши, президент повернулся и увидел меня.

– Знаете, на кого вы похожи? – спросила стажерка, прижимая к подбородку ластик на конце карандаша.

Я покачал головой.

– На моего любимого актера.

– И на какого же?

– На Харрисона Форда. Пока он еще не постарел.

– Я его незаконнорожденный сын, – сказал я.

– Вы меня разыгрываете? – Она широко раскрыла глаза.

– Джейк! – окликнул меня из противоположного конца приемной Джордан Лэнгфорд.

Я проследовал за ним в кабинет и закрыл за собой дверь. Под потолком высотой двенадцать футов сверкал полировкой массивный письменный стол из орехового дерева, стоящий перед окнами в свинцовых переплетах. На стене над камином господствовал портрет маслом Бенджамина Франклина. Когда я приходил сюда в предыдущий раз, его не было.

– Твой пикап незаконно стоял на месте, выделенном проректору, – сказал Джордан. – Она вызвала эвакуатор.

– Ты меня за этим пригласил? – спросил я.

Он смерил меня взглядом:

– В этой форме ты выглядишь нелепо.

– Спасибо.

Сам Джордан был в темно-сером двубортном костюме, белой сорочке и широком галстуке в красный горошек. У него за спиной на стене почета, среди прочих, были его фотографии вместе с Бушем-старшим, Клинтонем, Обамой, Нельсоном Манделой и Бейонсе^[10]. Сам я лично встречался с двумя из этих президентов. Один из них даже прикрепил мне на грудь медаль. Что касается внешности и манер, Джордан харизматичностью превосходил их обоих.

– Я так понимаю, сегодня утром ты первый прибыл на место происшествия на мосту, – сказал он.

– Да, если не считать того типа, кто помог бедолаге перелезть через перила. А ты сам что там делал?

Я почувствовал, что этот вопрос его смутил. Я знаю Джордана еще с тех пор, как мы жили в одной комнате в общежитии, и мне было хорошо известно, как именно он реагирует практически на любую ситуацию. Какое-то время Джордан пристально смотрел на меня, словно взвешивая, сказать ли мне правду.

– Скажем так: я просто случайно проезжал мимо, – наконец сказал он.

– В шесть часов утра, в белом костюме для тенниса?

– Давай оставим этот разговор, Джейк.

Хорошо, я не буду расспрашивать.

– Джанет Морго говорит, ты не считаешь, что смерть Денниса Уитли была самоубийством.

– Совершенно верно.

Наконец я вспомнил, кто такой Деннис Уитли, – точнее, кто такой он был. Хотя я и не узнал сильно искаженные черты его лица, когда он висел под мостом, это был тот самый человек, который прославился, создав сеть ресторанов быстрого питания, призванную бороться со склонностью Америки к полноте. Уитли прославил колледж Сент-Эндрюс.

– В настоящий момент мы стараемся избежать ненужной огласки, – сказал Джордан. – Наверное, ты понимаешь почему.

– Да, – кивнул я.

Я вспомнил Денниса Уитли по серии смешных самокритичных рекламных роликов, в которых тот предлагал американцам бесплатные блюда в подарок за то, что они похудеют.

Уитли установил в каждом своем ресторане подсоединенные к компьютеру точные электронные весы, чтобы каждый посетитель в любом месте мог зафиксировать свой текущий вес. Он стал мультимиллиардером и входил в двадцатку богатейших людей Америки по версии журнала «Форбс».

– Но это еще не всё, – продолжал Джордан. – Деннис Уитли был смертельно болен; все последние недели он находился в подавленном состоянии. Мы разговаривали с ним практически ежедневно. У него был рак поджелудочной железы, начались метастазы... По его словам, врачи давали ему от силы пять недель жизни, а своей жене он ничего не сказал.

– Почему? – спросил я.

– До самого недавнего времени ему казалось, что он вылечился, – сказал Джордан. – Однако несколько недель назад началось ухудшение, и дальше все стремительно покатилось в пропасть. Ивлин Уитли очень... впечатлительная. Деннис не хотел ее тревожить.

– Сейчас она вышла на тропу войны.

– Ивлин также не знает, что две недели назад Деннис пожертвовал колледжу пятьдесят

миллионов долларов. Я собирался объявить об этом в понедельник на собрании попечителей.

– Кому еще известно об этом пожертвовании?

– Насколько я знаю, никому, кроме финансового управляющего Уитли. В отличие от большинства других крупных подношений, которые мы получаем, дар Денниса никак не был ограничен. Никаких привязанных к нему ниточек. Он просто сказал: «Джордан, подыщи этим деньгам хорошее применение».

– Колледж уже получил деньги?

– В настоящий момент они находятся на моем личном дискреционном счету.

– Как ты намереваешься с ними поступить?

– Основать центр изучения проблем глобального потепления имени Уитли, – сказал Джордан.

Раздался стук в дверь, и в кабинет просунулась голова секретарши:

– Вам снова звонит из Вашингтона конгрессмен Корнуэлл.

– Передай Сэму, что я ему перезвоню, – непринужденно улыбнулся Джордан, опускаясь на кожаный диван. – Дженни, десять минут никто не должен мне мешать.

– Разумеется, – ответила секретарша, закрывая дверь.

Улыбка Джордана исчезла.

Бросив фуражку на другой диван, я уселся напротив. Даже несмотря на то, что мы были одного возраста, Джордан определенно выглядел моложе. Его темно-коричневая кожа оставалась такой же гладкой, без морщин, как и в тот день, когда мы впервые встретились в колледже. При росте шесть футов он по-прежнему был стройным и поджарым. И только на висках его коротко подстриженные черные волосы теперь были слегка тронуты сединой.

– Давненько я тебя не видел, – сказал Джордан, внимательно глядя мне в лицо своими темными глазами. – Как идут дела?

– Делать мне абсолютно нечего, – ответил я. – И с этой задачей я справляюсь великолепно.

– Когда-то у тебя много чего получалось великолепно.

– Да... но я уже давным-давно вышел в отставку.

– Сказать, что твоей квалификации с лихвой хватает для работы в службе безопасности студенческого городка, – это ничего не сказать.

И он был прав.

– Послушай, Джордан, я очень признателен тебе за это место. Перспективы у меня были никудышные. Или я соглашался на него, или отправлялся выбивать деньги у несостоятельных кредиторов.

– Джанет Морго хочет тебя выгнать, – заявил Джордан. – На прошлой неделе она сказала мне, что ты оказываешь дурное влияние на остальных. Она попросила подыскать тебе какую-нибудь другую работу... быть может, в службе доставки.

– Если честно, я и сам подумывал о том, чтобы уйти, – сказал я, решив не заводить разговор о своем временном отстранении от дел.

– И чем ты собираешься заняться? – скептически спросил он.

– Намереваюсь побороться на предстоящих выборах с конгрессменом Корнуэллом, – сказал я. – У меня здесь просто ошеломительная поддержка. Я уже ощущаю ее в таверне «Фолл-Крик».

– С Джанет я сам разберусь, – усмехнувшись, сказал Джордан. – Порой с ней приходится

нелегко, но она гораздо лучше своего предшественника, уж поверь мне. Ты его не видел, но это был верзила с внешностью неандертальца и таким же интеллектом.

– Трудно в это поверить.

– Ну, что еще новенького? – спросил Джордан так, словно располагал всем временем на свете. Не было никаких сомнений, что ему от меня что-то нужно, но я понятия не имел, что именно.

– Двое студентов считают, что в сегодняшнем матче я должен выйти на поле защитником, – сказал я.

– Если Танк готов выйти на поле, я ничего не имею против.

В прошлом мы с Джорданом играли в связке в студенческой команде Сент-Эндрюс, в составе которой даже выиграли национальный чемпионат в третьем дивизионе. У Джордана было телосложение Эммита Смита^[11], а бегал он как олень. Я же устремлялся прямо вперед, как таран, собирая кучу-малу. Джордан был включен в символическую любительскую сборную США и был назван самым ценным ее игроком. А мне пришлось менять коленный сустав на левой ноге.

– Итак, давай перейдем к делу. Что тебе нужно, Джордан?

Встав, президент подошел к открытому окну и уставился на площадку. Я ждал, когда он выложит мне, что у него на уме. Предположительно это было как-то связано со смертью Денниса Уитли. Неудивительно – как-никак он перевел такие большие деньги...

– Не сомневаюсь, ты помнишь, Джейк, было время, когда я искренне заботился об улучшении условий жизни, – отдельно произнес Джордан, словно зачитывая текст диктанта.

Наступила пауза. Похоже, он ждал от меня подтверждения. Я ничего не сказал.

– Благодаря доктору Кингу, Медгару Эверсу^[12] и другим, проложившим сияющий путь, я получил возможность исследовать эти границы... через наследие, купленное кровью. Я всегда помнил это. После того как ушел из Корпуса мира^[13], я решил работать в бедных районах, воплощая в жизнь это наследие. Я был хорошим адвокатом. Правда, – сказал Джордан. – Я заслужил свои награды в Детройте, точно так же, как ты заслужил их в армии.

– Да, знаю, – сказал я, по-прежнему гадая, к чему он клонит.

– И, оглядываясь назад, я вижу, что был тогда счастлив, – продолжал Джордан. – И Блэр тоже была счастлива. – Помолчав, он добавил: – Думаю, она была счастлива.

Блэр была его женой. Именно ради него она бросила меня. После того как я получил от нее письмо о разрыве отношений, я получил длинное письмо от Джордана. Не прося прощения, он пытался объяснить, как все произошло. Выражая надежду, что я пойму и прошу его.

– Так или иначе, Блэр говорит, что была счастлива. Счастье, умиротворенность, удовлетворение... вот ведь главное в жизни, Джейк, не так ли?

– Конечно, – ответил я. – Ты видишь сейчас перед собой абсолютно счастливого человека.

Я еще никогда не видел Джордана таким смущенным и сбитым с толку. Тот Лэнгфорд, которого я знал, всегда был уверен во всем, особенно в своей собственной ослепительно яркой звезде. Многие предсказывали, что он когда-нибудь станет сенатором или губернатором штата, а то и президентом. Я всегда полагал, что именно поэтому, в частности, Блэр и вышла за него замуж.

– Теперь у нас есть достаток, Джейк, но удовлетворения нет, – продолжал Джордан, по-прежнему уставившись в окно. – Мы с Блэр постоянно ссоримся. Она хотела, чтобы я

продолжал работать в бедных районах. Но я увидел возможность сделать гораздо больше. Как оказалось, у меня есть к этому талант... дар работать с людьми; я обнаружил, что они приходят ко мне, для того чтобы поверить в меня... и пойти за мной. В нашей стране немало адвокатов, защищающих права бедняков, но крайне редко встречаются хорошие руководители, способные направить весь этот талант в нужное русло, заставить его работать. Я понял это, когда занялся административной работой... понял, что смогу сделать многократно больше, чем если останусь адвокатом в бедном районе. Речь шла о том, как человек выбирает распорядиться своей жизнью.

По мне, это начинало походить на начало речи о снятии с себя полномочий. У меня появилась мысль, не собирается ли Джордан уйти со своего места. Быть может, он собирается побороться за какую-то выборную должность. Но в таком случае он не стал бы приглашать меня, чтобы поговорить об этом.

– Конечно, можно оставаться на той точке зрения, что всякая работа приносит свою пользу, – снова заговорил Джордан. – Работая в Детройте, я не боялся быть идеалистом. Однако многие из тех грандиозных свершений, которыми я тогда гордился, теперь почему-то кажутся мне фальшивыми.

– Например? – спросил я.

– Ну хорошо... возьмем представителей национальных меньшинств. Когда мы с тобой учились в колледже, ни о чем подобном не было и речи. А теперь благодаря мне их уже больше двадцати... и все они в один голос заявляют, что выступают за расовое и этническое разнообразие. Но когда я в прошлом году подписал приказ, предписывающий расселять всех первокурсников в общежитии случайным образом, чтобы каждый студент получил возможность познакомиться с этим разнообразием вблизи, начались волнения. Меня заклеили «дядей Томом»^[14].

– Да, помню, – подтвердил я.

– Как будто недостаточно было афроамериканских и латиноамериканских учебных центров, – продолжал Джордан. – Теперь мы строим отдельные жилые корпуса. – Он принялся расхаживать взад и вперед перед камином. – А тем временем мне приходится иметь дело с преподавателями, которые в открытую призывают к свержению капитализма, при этом требуя зарплаты в шестизначных цифрах и угрожающие в случае отказа повышения жалованья уйти в другие учебные заведения.

– Пусть уходят, – сказал я.

Джордан покачал головой.

– Ты не понимаешь, с чем мне приходится иметь дело. Флобер метко подметил, сказав, что пытался жить в башне из слоновой кости; но окружающее ее море дерьма поднималось все выше, колотясь в стены^[15].

– Извини, меня ждут более важные дела, – сказал я, поднимаясь на ноги.

– Какие, например?

– Например, мне нужно отвезти свою собаку на химиотерапию, – сказал я. – В любом случае двадцать минут назад капитан Морго временно отстранила меня от несения службы.

– Проклятье! Теперь мне придется лизать ей задницу, чтобы она тебя простила...

– Если честно, Джордан, – сказал я, – мне все равно.

Я уже был в дверях, когда он меня окликнул:

– Джейк... подожди!

Обернувшись, я увидел, что Джордан снова на грани срыва. Какое-то мгновение мне

казалось, что у него в глазах застыл ужас. Затем снова вернулась на место маска уверенности.

– Я только хотел сказать... послушай... я знаю, что в Афганистане тебе здорово досталось...

– Пока, Джордан.

Я уже выходил в дверь, когда его последние слова заставили меня застыть на месте.

– Джейк, мне нужна твоя помощь, – сказал он.

– В чем дело? – спросил я, снова закрывая дверь.

– Меня шантажируют.

– Я надеялся, что ты сможешь мне выяснить, кто этим занимается, и остановить их.

– Так что же ты такого натворил, что тебя шантажируют? – спросил я.

– Не больше, чем вот он. – Джордан указал на портрет Бенджамина Франклина.

С полотна над камином благодушный дедушка Бен в очках в железной оправе взирал на нас с улыбкой Моны Лизы на лице.

– Замечательно. У тебя был роман с Беном Франклином.

Криво усмехнувшись, Джордан спросил:

– Что тебе на самом деле известно о нем?

– Ну же, Джордан, это нелепо, – сказал я.

– Бенджамин Франклин, – настаивал Джордан. – Что тебе о нем известно?

– Его лицо на стодолларовой купюре. Мне хотелось бы иметь таких побольше.

– Что еще?

– Он написал «Альманах простака Ричарда». И по-крупному приложил руку к составлению Конституции.

– Также он открыл Гольфстрим. И электричество.

– Точно... все это было в диснеевском фильме.

– Верно. Но только компания «Дисней» не включила в фильм сцены того, как старина Бен в возрасте семидесяти девяти лет трахал своих любимых шлюх... и не упомянула о том, что в дневнике у него полно записей о его любимых сексуальных игрушках и о страхах подцепить венерическое заболевание.

– Кажется, я начинаю понимать, что к чему, – сказал я.

– Кто-нибудь винит Бенджамина Франклина за эти маленькие причуды? Нет... все помнят лишь то, что он был одним из величайших людей своего поколения... но он также был похотливым извращенцем.

– Полагаю, во всем этом есть смысл.

– Франклин до самой своей смерти был одержим женщинами... и я знаю, что именно происходило у него в голове. И вот теперь мне придется за это заплатить.

– Джордан, если тебя шантажируют, обратись к шерифу или прокурору округа, – посоветовал я. – Там есть специально подготовленные люди и оснащение, чтобы разобраться с шантажистами.

– Ты предлагаешь мне выложить свои проблемы к ногам Джима Дикки? На моей карьере придется поставить крест.

Я подумал, не поделился ли он своими проблемами с Блэр; а та, возможно, посоветовала ему обратиться за помощью ко мне.

– Ты как-то говорил, что занимался в армии контрразведкой, скрытным наблюдением и тому подобным, – сказал Джордан.

– Это все осталось в прошлом.

– Я только прошу тебя попробовать. Ведь попробовать ты по крайней мере можешь, правда?

Подойдя к своему полированному письменному столу, Лэнгфорд отпер ключом один из ящичков и, достав конверт из плотной бумаги, протянул его мне:

– Здесь видеозапись. Я в главной роли. Взгляни на нее в моем личном кабинете. – Он

указал на маленькую дверь в дальней стене.

– Не хочешь посмотреть вместе со мной?

– Одного раза более чем достаточно, – сказал Джордан, когда я направился к двери. – Боюсь, ты будешь глубоко потрясен.

– Этого не так-то легко добиться.

– Джейк... ты единственный, кому я могу довериться.

Я молча кивнул.

Кабинет оказался размерами чуть больше встроенного шкафа. Очевидно, он связывал Джордана с его более идеалистичным прошлым. На двери висел черно-белый плакат конца шестидесятых, изображающий полицейских, поливающих из брандспойтов чернокожих манифестантов в Сельме, штат Алабама.

Между двумя стенами втиснулся стол с поцарапанной серой стальной поверхностью. Я вспомнил, что точно такой же стоял у Лэнгфорда в кабинете в Детройте. Над столом висела его детская фотография, сделанная в Миссисипи, и еще одна – они вместе с Блэр вскоре после свадьбы. На последней Джордан был вместе с Мишель Обамой.

Рядом с кожаным креслом стоял маленький телевизор, подключенный к проигрывателю видеодисков. Я достал из пакета коробку. Диск мог быть куплен в любом магазине бытовой техники. На пластмассовой коробке – никаких надписей. Включив телевизор, я вставил диск в проигрыватель.

Кино оказалось немым. Изображения были слегка искаженными, словно камера находилась слишком близко. Запись была сделана не с помощью профессионального оборудования для видеонаблюдения. Картинка была нерезкой, но все-таки достаточно четкой, чтобы узнать Джордана. Он стоял в номере в мотеле у постели рядом с женщиной. У той была азиатская внешность; стройная, изящное лицо.

Камера не двигалась. Широкоугольный объектив захватывал двуспальную кровать посреди номера и пространство вокруг. На протяжении следующих двадцати минут я наблюдал за общением Джордана и молодой женщины. Для меня в этом не было ничего даже отдаленно возбуждающего.

Медленно раздев женщину, Джордан достал из кожаного портфеля что-то вроде портативного никелированного вибромассажера и выполнил ей полный массаж тела. Он действовал очень терпеливо, начав с пяток и медленно поднявшись по ногам, затем прошелся по шее, плечам и спине. Похоже, девушке это нравилось, особенно когда Джордан наконец подвел вибромассажер к ее промежности. В конце она, судя по всему, испытала глубокий оргазм. Когда девушка начала одеваться, съемка закончилась.

Джордан был абсолютно прав. Этот фильм действительно глубоко потряс меня, и причина этого стала очевидной, как только Джордан впервые появился в кадре. Джордан Лэнгфорд, мужественный президент колледжа Сент-Эндрюс, бывший футболист, входивший в символическую сборную США, муж моей потерянной любимой женщины, был в женском нижнем белье – кружевных трусиках и лифчике, поясе с подвязками и шелковых чулках, в черных туфлях на высоком каблуке. Дорогой парик длиной по плечи обрамлял его лицо. Глаза были обильно накрашены тушью и тенями, а на губах алела смелая яркая помада.

Когда я вышел из личного кабинета, Джордан стоял у окна, снова разглядывая свои владения.

– Ты был прав, – сказал я. – Я глубоко потрясен.

– Видишь ли, я достаю экзотических девушек, – сказал он таким тоном, будто главная

проблема заключалась в этом. – Есть одна фирма в Сиракузах...

– Дело не в этом, – сказал я.

– Знаю, – согласился Джордан, стараясь держать себя в руках под моим пристальным взглядом.

– Ты это сам снимал? – спросил я, зная, что некоторые любят документировать свои любовные похождения.

– Я понятия не имею, кто это снимал, – покачал головой он. – Диск пришел по почте.

Он протянул мне конверт. Конверт был адресован Алисии Верлен в почтовое отделение в Сиракузах. Обратный адрес отсутствовал. Судя по штемпелю, письмо было отправлено два дня назад из Нью-Йорка.

– Ну, это уже что-то, – сказал я, указывая на штемпель. – Это сужает круг подозреваемых приблизительно до двенадцати миллионов человек.

Джордан напрягся на мгновение, но ничего не сказал. Я снова осмотрел конверт. Он был вскрыт ножом. Внутри лежал листок бумаги, сложенный втрое.

– Ты сам вскрывал конверт? – спросил я.

– Да, – кивнул Джордан. – Слава богу.

Достав маленькую лупу, всегда имеющуюся у меня в нагрудном кармане, я изучил почерк, которым был написан адрес. Он был неуклюжий, кособокий, словно человек выводил буквы левой рукой.

– Письмо пришло в специальный почтовый ящик, который у меня имеется, – сказал Джордан. – Когда я заказываю... разные вещи, я делаю это от вымышленного имени.

– Я так понимаю, ты у нас Алисия Верлен.

Поморщившись, Лэнгфорд кивнул.

– Внутри письмо с угрозами. Я получил его вчера.

Я развернул листок. Слова были выведены красными чернилами; почерк соответствовал тому, что был на конверте. На первый взгляд казалось, что это писал человек, восстанавливающийся после серьезного инсульта. Строчки были неровные, корявые:

«Алисия, если хочешь избежать публичного позора, который станет следствием этого грязного эпизода, заплати нам пять миллионов долларов в соответствии с инструкциями, которые найдешь в этом конверте. Если не сделаешь это к пяти часам в воскресенье, копии фильма отправятся во все новостные агентства страны».

– Все это выглядит так буднично, черт побери, – озадаченно произнес Джордан. – Словно напоминание от коллекторского агентства.

– Почему завтра до пяти часов? – спросил я.

– Не имею ни малейшего понятия.

– Это же накануне совещания, на котором ты должен объявить о пожертвовании Уитли, – сказал я. – Вполне возможно, его смерть и этот шантаж связаны между собой. Если найти ответ на одно, может быть, это даст ответ и на другое.

– Но времени так мало, – заметил Джордан.

– Никто не пытался связаться с тобой после того, как ты получил эту запись?

– Я даже не представляю, что будет дальше. – Он покачал головой. – В инструкции указан счет в банке на Каймановых островах, на который я должен перевести деньги.

– Возможно, шантажисты не собираются больше связываться с тобой, если ты решишь

им заплатить. – Прямые контакты увеличивают риск попасться.

– У меня нет пяти миллионов долларов.

– У тебя есть пятьдесят миллионов.

– Они не мои.

– Похоже, шантажистам известно про эти деньги. Если так, удивительно, что они не потребовали больше.

– Эти деньги я не трону. Если ты не сможешь остановить тех, кто стоит за этим, на собрании попечителей я подам в отставку.

Я оставил эти слова без комментариев.

– Послушай, Джордан, ты ведь даже не трахал этих женщин. Потерпевших нет; не вызывает сомнений, что это акт двух взрослых людей по обоюдному согласию. Черт возьми... мы живем в Народной Республике Гротон. Здесь отмечают месяц «гей-прель». В этом городе языческих жрецов и тех, кто верит в НЛО, наверное, больше, чем баптистов. Такой свободы взглядов не найдешь больше во всей стране. Никому нет никакого дела до того, чем ты занимаешься в своей спальне и своем сарае.

– Джейк, неужели ты не понимаешь? – Джордан печально покачал головой. – Это же разобьет мою карьеру. Я стану всеобщим посмешищем. И это положит конец моему браку с Блэр.

Я кивнул.

– Я так понимаю, с Блэр у тебя больше не ладится... – В моем голосе прозвучала горечь.

Несомненно, от Джордана не укрылся мой тон.

– Блэр – это лучшее, что было в моей жизни... тут не может быть никаких вопросов, Джейк. Наверное, ты не поймешь... но это... эти связи... тут дело не в сексуальном удовлетворении.

– Неужели?

– Это... запретный плод... возбуждение... зловещий театр ужасов... и возможность доставить другому человеку наслаждение.

Лэнгфорд был прав. Я ничего не понимал. Должно быть, он прочел это у меня в глазах.

– Но это правда. Я получал удовольствие от сознания опасности.

– Почему, Джордан?

– Я много думал над этим. – Он неприятно усмехнулся. – Быть может, все дело в том, что я рос единственным мальчиком в семье с властной матерью и пятью сестрами. Кто знает, черт возьми... Такие вещи не обсуждают со своим психотерапевтом.

– Возможно, следовало бы.

– Теперь уже слишком поздно.

– Необязательно, – возразил я. – Блэр знает?

– Господи, нет. И это самое главное. Я не хочу делать ей больно. Я лучше подам в отставку, чтобы она ничего не узнала.

– Она может узнать в любом случае.

– Это нас уничтожит, – убито сказал Джордан.

Мысленно представив себе, как Блэр смотрит эту запись, я кивнул, соглашаясь с ним.

– Да. И ты прав еще в одном. Стервятники-журналисты алчно набросятся на эту историю. Бывшая футбольная звезда, ставшая президентом колледжа, будущий кандидат на пост сенатора – предпочитает шелковое женское нижнее белье. Те два-три дня, пока они не возьмут на прицел новую жертву, ты будешь круглосуточно сиять во всех выпусках новостей

бульварных телеканалов.

Джордан поежился.

– Ты мне поможешь?

– Как насчет той девушки, с которой тебя засняли? – спросил я. – Она может быть причастна к шантажу?

– Она невинный ребенок... кажется, с Бали, едва говорит по-английски. – Он покачал головой. – Я встречался с ней всего дважды. Никто из тех девушек, с кем я встречаюсь, не знает наперед, когда я обращаюсь в агентство. Я звоню туда, и мне присылают одну из свободных девушек.

– Что насчет агентства?

– Я там никогда не бывал. Все общение происходит по телефону, и голоса обычно разные. Там никто понятия не имеет, кто я такой. И я всегда расплачиваюсь наличными.

– Как часто тебе бывают нужны эти... похождения?

– Один раз в месяц... иногда два, – сказал Джордан. – Обыкновенно желание возникает внезапно... когда мне требуется снять стресс от работы.

У меня мелькнула мысль, почему он не может расслабиться с помощью упаковки пива или стакана виски, как все мы.

– Что насчет мотеля? – спросил я.

– Называется «Страна чудес». Это милях в сорока отсюда... недалеко от автострады... у съезда, где большая стоянка дальнобойщиков. Там... э... сдают номера с почасовой оплатой.

У меня в голове лихорадочно метались противоречивые чувства. Какая-то моя часть хотела уничтожить Джордана и, возможно, вернуть Блэр назад после того, как он будет публично сожжен на костре. Но в то же время мне было его жаль. В конце концов я скрепя сердце решил дать шанс своим светлым ангелам.

– Начну с агентства, – сказал я. – Как звали ту девушку?

– Зачем тебе это нужно?

– А что, по-твоему, я должен сделать, Джордан, – взмахнуть волшебной палочкой? – спросил я. – Мне больше не от чего отталкиваться. Единственное, что приходит на ум, это задавать вопросы всем, кто может быть причастен. Надеюсь, если я задам достаточно много вопросов, что-нибудь встанет на место. Мне нужны телефоны агентства, поставяющего шлюх, и мотеля.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Управление общественных работ (УОР, позже Администрация общественных работ) – федеральное независимое ведомство, созданное в 1935 г. по инициативе президента Ф. Д. Рузвельта и ставшее основным в системе трудоустройства безработных в ходе осуществления «Нового курса». – *Здесь и далее прим. пер.*

136 кг.

Джордж Смит Паттон (1885–1945) – американский генерал, в 1943 г. командовал 7-й Армией вторжения в Италию.

Т. е. соотв. 188 см и ок. 123 кг.

Икабод Крейн – персонаж рассказа американского писателя В. Ирвинга «Легенда о Сонной лощине». Однажды ночью Крейн возвращается домой, и его начинает преследовать всадник без головы, предположительно призрак Гессенского кавалериста, которому оторвало голову шальным пушечным ядром в одной из «безымянных битв» Войны за независимость США и который «ночью скачет на поле боя в поисках своей головы».

Клецка Пиллсбери – смешной человечек из теста, символ компании «Пиллсбери», одной из крупнейших в мире производителей макаронных и хлебобулочных изделий.

Мой дом – твой дом (*исп.*).

Кахуна – шаман у жителей Гавайских островов.

«Источник» – роман американской писательницы и философа Айн Рэнд; входит в число самых известных произведений американской литературы.

Бейонсе Жизель Ноулз-Картер (р. 1981) – популярная американская певица, актриса, композитор.

Эммит Смит (р. 1969) – знаменитый игрок в американский футбол, выступал в студенческой и профессиональной лигах.

Мартин Лютер Кинг (1929–1968) – баптистский проповедник, видный борец за гражданские права американских негров, убит; Медгар Эверс (1925–1963) – известный борец за гражданские права негров, убит расистом.

Корпус мира – независимая гуманитарная организация, отправляющая добровольцев в бедствующие страны для оказания помощи.

«Дядя Том» – презрительное прозвище излишне услужливого человека, сознающего свой низкий социальный статус вследствие расовой принадлежности.

Неточная цитата из писем французского писателя Гюстава Флобера (1821–1880).